

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Топографія средневековаго Константинополя Г. Дестуниса.

Историко-географическія извѣстія Герберштейна Е. Замыслововаго.

Греческое и русское право въ договорахъ съ Греками X вѣка В. Сергѣевича.

Громовникъ по повѣрьямъ и сказаніямъ племенъ южной Сибири и сѣверной Монголіи Г. Потанина.

Замѣтки о древне-русской одеждѣ и вооруженіи В. Стасова.

Критика и библиографія:

Труды третьяго международнаго съѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ. 1876, Томъ первый, подъ редакціей В. В. Григорьева. Съ картою, восемью таблицами рисунковъ. Томъ второй, подъ редакціей барона В. Р. Розена. Съ приложеніемъ пяти литографированныхъ снимковъ Н. Веселовскаго.

Замѣтки о методѣ и приемахъ преподаванія русскаго языка въ учительскихъ семинаріяхъ К. Грузинцева.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЗАМѢТКИ О ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ОДЕЖДѢ И ВООРУЖЕНІИ.

По поводу изданія:

Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые, по Высочайшему соизволенію, *В. Прохоровымъ*. С.-Петербургъ. 1881.

Книга, которой заглавіе мы выписали выше, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія! Авторъ ея принадлежитъ къ числу немногихъ нашихъ истинныхъ знатоковъ древне-русской жизни въ ея бытовыхъ памятникахъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ своей жизни онъ употребилъ на собраніе и изслѣдованіе этихъ памятниковъ, а впоследствии и на изданіе ихъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ отдѣловъ христіанскаго музея нашей академіи художествъ — отдѣлъ русскій, въ значительной долѣ составляетъ изъ бывшихъ коллекцій г. Прохорова. Изданія этого археолога: „Христіанскія древности и археологія“, „Русскія древности“, заключающія собраніе многочисленныхъ и разнообразныхъ статей по части археологіи русской, византійской и древне-христіанской, издавна пользуются у насъ заслуженною извѣстностію въ кругу знатоковъ. При такихъ данныхъ, быть можетъ, никто въ настоящее время не имѣлъ у насъ больше г. Прохорова правъ на то, чтобы заняться изслѣдованіемъ о древне-русской одеждѣ. Это такой предметъ, къ которому часто приходится теперь обращаться и нашему художнику, и ученому, и даже многимъ изъ среды нашей публики. Живописецъ и скульпторъ для своихъ художественныхъ произведеній, рисовальщикъ для театралныхъ костюмовъ, литераторъ для романа, повѣсти или драмы, ученый для своихъ историческихъ изслѣдованій — всѣ они нуждаются въ такой книгѣ, гдѣ были бы собраны и изслѣдованы имѣю-

щіе въ настоящее время на лицо данныя о русской одеждѣ въ разные періоды нашей исторіи, и гдѣ были бы изображены эти одежды на основаніи совершенно точныхъ памятниковъ. Такія изданія давно уже есть въ остальной Европѣ, у всѣхъ значительнѣйшихъ народовъ, и давно уже стоитъ очередь также за нами. Къ сожалѣнію, ни одного не только вполне удовлетворительнаго, но даже сколько-нибудь посредственнаго изданія подобнаго рода изслѣдованій и описанія древней русской одежды у насъ нѣтъ. То, что изложено Висковатовымъ на первыхъ страницахъ его извѣстнаго сочиненія: „Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ“, на столько кратко, поверхностно и неполно, что не можетъ заслуживать серьезнаго вниманія; притомъ, по самой сущности сочиненія, здѣсь ни слова не сказано объ одеждѣ древне-русскихъ женщинъ.

Лучшее, что было сдѣлано по этой части, это—небольшое изслѣдованіе Оленина: „Опытъ объ одеждѣ, оружіи, правахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія Словянъ отъ времени Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ“. Оленинъ былъ въ свое время хорошій знатокъ русской археологіи и древне-русскаго искусства; притомъ, какъ президентъ академіи художествъ и директоръ императорской петербургской публичной бібліотеки, онъ былъ постоянно окруженъ тѣми людьми и тѣми научнымъ матеріаломъ, которые могли быть ему всего болѣе пригодны для предпринятаго имъ изданія. И людьми, и матеріаломъ онъ имѣлъ возможность пользоваться очень хорошо, и потому небольшое его сочиненіе о русскихъ одеждахъ, съ небольшимъ же атласомъ рисунковъ (12 листовъ), вышло сочиненіемъ, имѣющимъ очень значительную научную и художественную цѣнность, не смотря на всю недаровитость автора, и во многихъ случаяхъ очень смѣшной способъ его изложенья. Но въ настоящее время этого сочиненія уже нигдѣ нѣтъ въ обращеніи, оно составляетъ величайшую бібліографическую рѣдкость. Притомъ, оно не можетъ быть удовлетворительно теперь, такъ какъ Оленинъ далеко не воспользовался всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, какимъ могъ бы воспользоваться въ свое время, и сверхъ того, его сочиненіе напечатано было въ 1832 году, а въ теченіе пятидесяти лѣтъ, протекавшихъ съ тѣхъ поръ, появилось на свѣтъ много новыхъ памятниковъ и матеріаловъ, принадлежащихъ старѣйшимъ періодамъ русской жизни, и еще вовсе не извѣстныхъ Оленину. Г. Прохоровъ взялъ теперь ту самую задачу, которую далеко не вполне выполнилъ его предшественникъ, и при обширномъ своемъ археологическомъ знаніи и долговременной подготовкѣ, подвинулъ дѣло значительно впередъ.

Уже одни рисунки, приложенные къ его труду, прекрасно исполненные въ его собственной литографіи, далеко превосходятъ маленькій атласъ Оленина и по количеству, и по достоинству. Что касается послѣдняго качества, то у г. Прохорова немислимо было бы и ожидать такихъ странныхъ ошибокъ, какія еще возможны были во времена Оленина. Такъ напримѣръ, не смотря на все свое археологическое знаніе и на всѣ часто очень глубокія и важныя соображенія, сближенія и выводы по части русской исторической древности, Оленинъ еще могъ представить, въ видѣ образца древнѣйшей русской архитектуры, рисунки Коломенскаго дворца, построеннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: въ послѣднія 50 лѣтъ понятія о русской архитектурѣ совершенно измѣнились, и получили, наконецъ, настоящую научную основу. Точно также, у г. Прохорова нѣтъ уже болѣе исключительнаго вѣрованія въ норманское происхожденіе призванной въ наше отечество „Руси“, а потому многое, что въ Оленинское время объяснялось норманскими памятниками, обычаями и жизнью, получаетъ у него совершенно другое объясненіе. Сверхъ того, въ наше время не царствуетъ болѣе въ археологической наукѣ того эстетическаго высокомерія, которое тамъ еще гнѣздилося въ прежнее время и заставляло Оленина сказать въ своемъ предисловіи: „Въ числѣ моихъ рисунковъ находятся и такіе, которые грубостью и уродливостью рисунка покажутся недостойными сего собранія; но за совершеннымъ недостаткомъ хорошихъ того времени памятниковъ, и сіи, такъ сказать, карикатуры весьма драгоцѣнны и достойны большого уваженія, какъ несомнѣнныя свидѣтельства въ вѣрности археологическихъ и этнографическихъ соображеній“. Вслѣдствіе такого страннаго понятія, Оленинъ заставлялъ своихъ рисовальщиковъ исправлять иное въ лицахъ, складкахъ и прочихъ изображаемыхъ у него въ атласѣ фигуръ. Нынѣшніе археологи посмотрѣли бы съ презрѣніемъ на такіа поправки и никогда не вздумали бы извиняться передъ своими читателями за недостаточное извѣстство и грубость своего историческаго матеріала. Чопорныя преданія XVIII вѣка давно уже прошли, и нынѣшній археологъ заботится только объ одномъ: какъ бы съ наибольшою вѣрностію и неумытною правдою передать все, всѣ рѣшительно черты и особенности своего оригинала, что бы, впрочемъ, о нихъ ни подумала публика. Что же касается до количества памятниковъ, заключающихся въ атласѣ г. Прохорова, то они во много разъ превосходятъ собраніе древнихъ памятниковъ, представленныхъ въ атласѣ Оленина. Оленинъ, правда, говорилъ въ своемъ текстѣ

„Мой трудъ составить какъ будто отрывокъ общаго этнографическаго или народоописательнаго полнаго курса нравовъ и обычаевъ, который столь нуженъ, не только для Россіи, но, можетъ быть, и для художниковъ цѣлой Европы! Ибо подобнаго сочиненія съ надлежащею полнотою и разборомъ нигдѣ до сихъ поръ не существуетъ“. Но, не смотря на многія достоинства, его книжкѣ и атласу далеко до того, чтобы составить удовлетворительный русскій контингентъ въ общеевропейскомъ сочиненіи о костюмѣ. Оленинъ оставилъ безъ вниманія, безъ употребленія для своего сочиненія множество фресокъ, разсыянныхъ по древнимъ русскимъ церквамъ, множество миниатюръ, наполняющихъ древнѣйшія наши рукописи, множество крупныхъ и некрупныхъ памятниковъ всякаго рода, входящихъ въ составъ нашихъ музеевъ (и извѣстныхъ уже и въ его время), или до сихъ поръ находящихся въ рукахъ у народа: ему стоило бы только обратить больше вниманія на это обильное собраніе документовъ древности, и тогда онъ, уже 50 лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ бы то, что теперь только сдѣлано г. Прохоровымъ. Этотъ послѣдній воспользовался если не всѣмъ рѣшительно матеріаломъ, какой только у насъ есть на лицо, то по крайней мѣрѣ всѣмъ главнымъ, и потому-то его книга представляетъ такой значительный вкладъ въ нашу археологическую литературу. Мнѣ особенно пріятно указать на достоинства новаго изданія г. Прохорова потому, что значеніе этого археолога далеко не въ полной мѣрѣ и далеко не по заслугамъ признается нашими учеными.

Выпущенный нынѣ въ свѣтъ томъ не заключаетъ въ себѣ всего сочиненія г. Прохорова. Текстъ и рисунки идутъ только до конца XII вѣка: значить, надо ожидать еще нѣсколько такихъ же выпусковъ, какъ настоящій, хотя ни въ текстѣ, ни на оберткѣ нигдѣ не объявлено о продолженіи сочиненія. Въ своемъ періодическомъ изданіи *Русскія древности* г. Прохоровъ, отъ 1871 до 1876 года, напечаталъ рядъ статей подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ“. Эти статьи, составляющія какъ бы предварительную разработку, въ сокращенномъ и довольно сжатомъ видѣ, той же самой задачи, которую трактуетъ теперь въ большемъ объемѣ разсматриваемое здѣсь сочиненіе, представили обзоръ русскихъ одеждъ, начиная отъ временъ до-историческихъ до конца XVII столѣтія. Поэтому надо полагать, что настоящее изданіе не ограничится однимъ только первымъ періодомъ русской исторіи—временемъ до татарскаго нашествія — и впоследствии представить полную разработку исторіи

остальныхъ періодовъ, какъ это было сдѣлано въ статьяхъ Русскихъ древностей.

Въ первомъ, нынѣ появившемся, выпускѣ сочиненія г. Прохорова, главное достоинство заключается въ рисункахъ. Текстъ служитъ лишь объясненіемъ представленнаго въ рисункахъ матеріала и не можетъ считаться самостоятельнымъ, научнымъ цѣлымъ. Для того, чтобы ему быть дѣйствительно строго-научнымъ, онъ долженъ былъ бы сдѣлаться менѣе отрывоченъ и болѣе послѣдователенъ и связанъ, а что касается первоначальнаго, до-историческаго времени, онъ не долженъ былъ бы вдаваться въ обширное изложеніе археологическихъ находокъ, со-всемъ ихъ исторіей и обстоятельствами, а вмѣсто того долженъ былъ бы прямо налагать результаты, получаемые для данного времени, отъ находокъ. Такъ, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы разказывать, что именно и когда, и какъ было найдено въ Чертомлыцкомъ курганѣ или въ Ананьевскомъ могильникѣ и другихъ археологическихъ мѣстностяхъ смѣшанно, одною общою массою, авторъ обязанъ былъ распредѣлять полученные изъ раскопокъ предметы и свѣдѣнія прямо по тѣмъ систематическимъ отдѣламъ, куда они принадлежатъ по его мнѣнію: одежду съ одеждой, оружіе съ оружіемъ, предметы обстановки съ предметами обстановки. Первая манера изложенія очень умѣстна была бы въ сочиненіи, имѣющемъ предметомъ исторію археологическихъ находокъ, но не исторію одеждъ. То же самое относится и до временъ историческихъ: вмѣсто того, чтобы подробно описывать все изображенное на фрескахъ лѣстницы Кіевского Софійскаго собора или на миниатюрахъ Святославова сборника, г. Прохоровъ долженъ былъ бы извлечь оттуда только то, что, по его мнѣнію, можетъ годиться для описанія русскихъ одеждъ XI вѣка. Вообще говоря, въ текстѣ г. Прохорова очень часто на первомъ мѣстѣ является страстный археологъ, увлекающійся любопытнымъ предметомъ, и нѣсколько нарушающій рамки избраннаго имъ на выѣшній разъ исключительнаго вопроса.

Но не смотря на указанные недостатки текста, мы въ немъ находимъ множество такихъ отдѣльныхъ наблюденій, выводовъ и указаній, которыхъ никто, кромѣ г. Прохорова, до сихъ поръ не дѣлалъ. Такъ напримѣръ, онъ первый обратилъ вниманіе на одну подробность одежды, составляющую одно изъ различій между византійскимъ костюмомъ собственно самихъ Византійцевъ и византійскимъ костюмомъ, употреблявшимся Русскими. Эта подробность — такъ-называемое „напольное украшеніе“, большой четверугольный кусокъ матеріи, нашитый на

полѣ корзны или верхняго плаща на вышинѣ груди. Это „напольное украшеніе“ всегда присутствуетъ на одеждахъ знатныхъ Византійцевъ и Византіекъ и всегда отсутствуетъ на одеждахъ знатныхъ Русскихъ, мужчинъ и женщинъ. Примѣта очень важная, очень пригодный и вѣрный признакъ для распознаванія національности, когда эта послѣдняя, что перѣдко бываетъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, является сомнительною. Точно также, никто раньше г. Прохорова не дѣлалъ того наблюденія, что шапка на князѣ Святославѣ, въ известной миниатюрѣ Святославова сборника, представляющей русское княжеское семейство, имѣетъ вполне характеръ финскій: это головная покрывка съ поднятыми наушниками въ родѣ треуха и существуетъ до сихъ поръ, особенно на сѣверѣ, у многихъ Финскихъ племенъ. Такъ точно, никто раньше г. Прохорова не указывалъ на необыкновенное сходство узора „въ шахматъ“ малороссійской плахты съ подобнымъ же узоромъ на платѣхъ древне-малозавіискихъ, а значитъ, и древне-греческихъ и этрусскихъ женщинъ, какъ мы его видимъ на всѣхъ росписныхъ вазахъ богѣ древняго періода. Все это сближенія очевидныя, крайне остроумныя и важныя по своимъ послѣдствіямъ. Они свидѣлствуютъ о большомъ знаніи и наблюдательности. А такихъ важныхъ новыхъ фактовъ я могъ бы въ сочиненіи г. Прохорова указать очень много, и по своей значительности они широко выкупаютъ тѣ недостатки текста, о которыхъ я говорилъ выше.

Повторяю, главную роль въ изданіи г. Прохорова играютъ рисунки. Правда, эти рисунки представляютъ въ иныхъ случаяхъ поводъ къ порицанію автора. Во многихъ случаяхъ онъ не входитъ ни въ какія детальныя объясненія формы, украшеній и употребленія того или другаго предмета, а прямо ссылается на рисунки, предоставляя самому читателю разсматривать, соображать и рѣшать какъ ему будетъ угодно. Сверхъ того, на многихъ таблицахъ нѣтъ никакого указанія: откуда происходятъ такіе или другіе предметы, гдѣ они были отысканы или въ какихъ сочиненіяхъ говорится о нихъ. Такъ напримѣръ, читателю предоставляется самому розыскивать, если ему понадобится провѣрка: откуда именно происходятъ тѣ предметы, подѣ изображеніями которыхъ у г. Прохорова лаконически подписано: „ожерелья изъ русскихъ кургановъ“, „браслеты, найденные въ древнихъ русскихъ курганахъ различныхъ мѣстностей“, „каменныя бабы, наход. въ южной и восточной Россіи“, „гребешки, погны, копоушка, подвѣска, найденные въ кур-

ганахъ различныхъ мѣстностей Россіи" и т. д. ¹⁾); точно также, рисунки, взятые изъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій, не носятъ указанія своего происхожденія. Текстъ, съ своей стороны, ничуть не пополняетъ этихъ пробѣловъ. Все это—недостатки, которые очень жалко встрѣчать въ книгѣ г. Прохорова, но они не умаляютъ внутреннего, кореннаго значенія ея.

Раньше всего нельзя не замѣтить, что эти рисунки выполнены отлично, со всевозможною археологическою точностью, а повторныхъ, количество ихъ чрезвычайно значительно, такъ что наврядъ ли можно указать изъ всего, до сихъ поръ имѣющагося на лицо, матеріала для исторіи русскихъ одеждъ до конца XII вѣка что не вошло бы въ составъ рисунковъ г. Прохорова.

Сначала идутъ у него многочисленныя рисунки, изображающіе разнообразныя подробности костюма и вооруженій тѣхъ племенъ до-историческихъ, которыя г. Прохоровъ счелъ нужнымъ включить въ свою общую картину—это племена Скивскія, о нихъ я буду говорить ниже. Затѣмъ у него представлены костюмы, принадлежащіе разнымъ народамъ на нѣкоторыхъ керченскихъ фрескахъ первыхъ столѣтій послѣ Р. Хр. Далѣе слѣдуютъ въ высшей степени интересные предметы, полученные изъ раскопокъ въ Кіевской и Полтавской губерніи г. Самокусова (два серебряныхъ туръихъ рога, желѣзные шлемы, рубашка и шапка изъ золотой матеріи съ золотыми металлическими бляхами и орнаментами, золотые вѣнчики, браслеты и другія женскія украшенія); потомъ представлены цѣлыя таблицы серегъ, ожерелій, браслетовъ, пряжекъ, застежекъ, подвѣсокъ, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго оружія, полученныхъ изъ раскопокъ въ разнообразнѣйшихъ краяхъ Европейской и Азіатской Россіи. Тутъ же является нѣсколько образцовъ такъ-называемыхъ „каменныхъ бабъ“ изъ разныхъ мѣстностей южной и восточной Россіи и любопытная маленькая бронзовая статуетка, до сихъ поръ извѣстная подъ именемъ „божка“, найденная въ одномъ курганѣ Полтавской губерніи и хранимая въ музеѣ Кіевского университета. Потомъ помѣщены на нѣсколькихъ листахъ: во-первыхъ, тѣ барельефы съ Траяновой колонны, на которыхъ предполагаются изображенія Славянскихъ племенъ, во время ихъ войны съ императоромъ Траяномъ; далѣе, барельефъ изъ слоно-

¹⁾ Я не могу указать здѣсь, на какихъ именно таблицахъ сдѣланы такіе неудовлетворительныя надписи, потому что ни одна таблица въ изданіи г. Прохорова не обозначена цифрою.

вой кости, представляющій покоренные императоромъ Констанціемъ II народы (въ томъ числѣ Славянъ, по мнѣнію г. Прохорова), и изображение двухъ Болгаръ изъ рукописнаго *Menologium Graecorum* X вѣка, находящагося въ Ватиканской библіотекѣ. Отъ сихъ поръ идутъ, въ атласѣ, изображенія разнаго рода, взятые съ памятниковъ собственно русскихъ: значить, эта часть атласа имѣетъ для насъ особенно большой интересъ и значительность. Въ началѣ представлены въ высшей степени любопытныя и очень разнообразныя фрески на лѣстницѣ нашего Кіево-Софійскаго собора, относимыя къ XI вѣку. Далѣе слѣдуютъ рисунки изъ Святославова Сборника 1073 года: княжеское семейство, „Дѣва“, „Близнецы“, „Стрѣлецъ“, „Водолей“ изъ „Зодіака“ этой рукописи, и еще одна маленькая человѣческая фигурка съ поднятыми къ головѣ руками—изъ другого мѣста той же рукописи. Потомъ являются: изображение во весь ростъ молодого Русскаго князя въ рукописи XII вѣка „объ Антихристѣ“, соч. Ипполита, папы Римскаго (рукопись находится въ Чудовомъ монастырѣ, въ Москвѣ); изображенія князей Бориса и Глѣба на окладѣ Мстиславова Евангелія, XII вѣка; изображение князя Бориса на рязанскихъ бармахъ, XII вѣка; изображение, во весь ростъ, князя Ярослава Владиміровича Новгородскаго, на фрескѣ XII вѣка Нередицкой церкви, близъ Новгорода, и изъ той же церкви, фресковыя изображенія святыхъ: „Катерины“, „Хрѣстины“, „Варвары“ и „Улианы“, также XII вѣка. Наконецъ, рядъ рисунковъ, приложенныхъ къ 1-му выпуску г. Прохорова, кончается 9-ю таблицами, содержащими изображенія множества матерій, найденныхъ въ могилахъ разныхъ русскихъ мѣстностей.

Во всемъ этомъ выѣстѣ заключается богатый матеріалъ для познания ученаго, художника, литератора, наконецъ каждаго любознательнаго человѣка вообще, изъ среды публики. Часть этихъ рисунковъ, по преимуществу представляющая памятники до-историческіе, или не спеціально-русскіе, а вообще славянскіе, выбрана г. Прохоровымъ изъ множества ученыхъ и художественныхъ изданій, отдѣльно изданныхъ въ разное время; рисунки эти никогда еще не являлись, какъ здѣсь, въ ихъ общей сложности, не представляли одной общей картины для иллюстрированія древне-славянской и древне-русской жизни и бытовой обстановки. Но другая часть, безъ сомнѣнія—наиважнѣйшая, представляетъ намъ памятники спеціально историческаго періода нашего отечества, и здѣсь проявляется наибольшая заслуга г. Прохорова, такъ какъ одни изъ памятниковъ, здѣсь на-

ходящіеся, хотя и были уже изданы, но являются въ болѣе вѣрной противъ прежняго: передачѣ (по снимкамъ самого г. Прохорова), а другіе до г. Прохорова нигдѣ еще изданы не были. Къ числу первыхъ относятся, напримѣръ, фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора (изданные прежде, очень впрочемъ, неудовлетворительно, у г. Закревскаго при его сочиненіи: „Описаніе Кіева“ (Москва, 1868 г., 4^о, т. II, листъ 12-й), и повторенные въ атласѣ, также очень неудовлетворительно, при сочиненіи Погодина: „Древняя русская исторія до монгольскаго ига“ (Москва, 1871 г., 4^о, томъ III, листы 57—59). Ко вторымъ относятся слѣдующія въ высшей степени значительные памятники: 1) Изображеніе велико-княжескаго семейства, фресковою живописью, внутри Кіево-Софійскаго собора, на правой сторонѣ: г. Прохоровъ даетъ намъ это изображеніе, какъ оно было найдено и срисовано г. Солнцевымъ, по отбитіи штукатурки, сильно поврежденное, но очень значительное, по подробностямъ костюма представленныхъ тутъ лицъ: на четырехъ княжескихъ фигурахъ одежда по нѣкоторымъ подробностямъ—византійская, по другимъ—русская, какъ и на картинѣ Святославова Сборника. 2) Изображеніе князя въ рукописи Чудовскаго монастыря „объ Антихристѣ“, соч. Ипполита, папы Римскаго. Изображеніе это до г. Прохорова никогда не было издано; г. Прохоровъ не только сообщилъ точную копію съ этого рисунка, къ несчастію сильно попорченнаго, но и присовокупилъ еще изслѣдованіе о личности изображеннаго тутъ князя: по его доводамъ (очень основательнымъ также и по моему мнѣнію), здѣсь мы не можемъ видѣть Всеволода-Гавріила, князя Новгородскаго, внука Мономахова, какъ это полагалъ профессоръ Срезневскій ¹⁾ и вслѣдъ затѣмъ повторялъ профессоръ Невоструевъ, въ своемъ изданіи рукописи Чудовскаго монастыря ²⁾. Г. Прохоровъ доказываетъ, что князь Всеволодъ-Гавріилъ не могъ бы быть изображенъ на миниатюрѣ безъ бороды, потому что умеръ мѣся болѣе тридцати лѣтъ отъ роду; что онъ не могъ бы также быть изображенъ съ крестомъ въ рукѣ, такъ какъ крестъ въ рукѣ—иконографическая принадлежность однихъ мучениковъ, а онъ мученикомъ не былъ. Къ этому г. Прохоровъ прибавляетъ ту важную для исторіи костюма замѣтку, что въ XII вѣкѣ „у насъ на Руси ни-

¹⁾ Свидѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ. С.-Пб., 1867, вып. II, стр. 41—48.

²⁾ Невоструевъ, Слово св. Ипполита объ Антихристѣ по списку XII вѣка, Москва, 1868, стр. 3.

какихъ скипетровъ не было и потому его не могло быть представлено на русской миниатюрѣ этого времени (какъ утверждалъ профессоръ Невоструевъ, при описаніи настоящей миниатюры); притомъ же предметъ, изображенный на этой миниатюрѣ, въ рукѣ у неизвестнаго князя, на столько явственно видѣнъ въ оригинальномъ рисункѣ, что о немъ сомнѣнія быть не можетъ. Что же касается до самаго костюма князя, то г. Прохоровъ признаетъ его отчасти византійскимъ, отчасти русскимъ. 3) Изображеніе князя Ярослава Владиміровича Новгородскаго, на стѣнѣ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода. На это изображеніе первый обратилъ вниманіе г. Прохоровъ, не смотря на то, что оно въ продолженіе долгихъ столѣтій стояло открыто передъ глазами десятковъ и сотенъ тысячъ неученыхъ и ученыхъ посѣтителей, перебивавшихъ въ Нередицкой церкви. Г. Прохорову удалось даже, отбывъ верхнюю, болѣе позднюю штукатурку, найти внизу самое древнее изображеніе князя, съ другими подробностями костюма, при чемъ у князя, вмѣсто длинной сѣдой бороды, обнаружилась небольшая русая борода, и князь оказался не старикомъ, а человекомъ среднихъ лѣтъ. 4) Изображенія четырехъ святыхъ мученицъ, съ фресокъ XII вѣка, изъ церкви Спаса въ Нередицахъ близъ Новгорода. Эти рисунки впервые замѣчены и опубликованы г. Прохоровымъ, и служатъ ему важнымъ матеріаломъ для подробнаго опредѣленія русской женской одежды XII вѣка, при чемъ г. Прохоровъ даже даетъ указаніе, какъ именно та или другая часть костюма надѣвалась и носилась (это всего болѣе относится къ той широкой полосѣ, въ родѣ эпитрахили, которая представлена на трехъ изъ числа этихъ святыхъ женъ: у свв. Екатерины, Христыны и Варвары, и идетъ отъ шеи внизъ напередъ до ногъ. По объясненію г. Прохорова, на свв. Екатерину и Христыну надѣты одежды „нарядныя, принадлежащія высшему сословію“. Наконецъ, 5) коллекція рисунковъ съ матерій. Эта коллекція есть одна изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ частей всего атласа. Въ такомъ количествѣ и разнообразіи никогда еще матерій, бывшія въ употребленіи у древнихъ Русскихъ, не бывали представлены. Г. Прохоровъ собралъ все, что до сихъ поръ извѣстно по этой части. „Нѣкоторыя изъ этихъ матерій“, говоритъ г. Прохоровъ, — „съ трудомъ собраны мною и съ натуры нарисованы. Много труда мнѣ стоило изъ множества отдѣльныхъ мелкихъ кусочковъ матерій добиться общаго на ней узора“. Какой это былъ трудъ, и какихъ онъ требовалъ усилій, знаній, сообразительности и вѣрнаго археологическаго взгляда, я могъ въ томъ

лично убѣдиться, когда, въ 1866 году, занимаясь изслѣдованіемъ „Владимірскаго клада“, принадлежащаго Эрмитажу, я приступилъ къ разсмотрѣнію и изданію также и кусковъ шелковой матеріи и позументовъ, по всей вѣроятности XII вѣка, входившихъ въ составъ этой драгоцѣнной находки. Куски матеріи и позументовъ образовали одинъ какой-то сплошной, слезавшійся въ землѣ темный комокъ, состоявшій изъ множества полустгнившихся кусковъ, въ которыхъ почти ничего нельзя было различить. Но г. Прохоровъ взялъ на себя изслѣдовать и разсмотрѣть эти темные, безобразные комки, и черезъ нѣсколько дней упорной работы (при которой я иногда присутствовалъ) онъ разобралъ куски, нашелъ тѣ, которые сходятся, сложилъ разрозненные и разбросанныя части и наконецъ составилъ, по возможности, общее цѣлое, гдѣ уже очень явственно можно было различать линіи и узоры. Въ такомъ видѣ эти отрывки матерій сохраняются теперь въ Эрмитажѣ, и тогда же, въ 1866 году, изданы мною въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Археологическ. Общества. Эта работа г. Прохорова совершенно напоминаетъ мнѣ работу подобнаго же рода, совершенную, лѣтъ тридцать назадъ, знаменитымъ французскимъ археологомъ, іезуитомъ Мартеномъ, надъ остатками разныхъ средневѣковыхъ матерій, найденныхъ имъ въ гробницахъ Карла Великаго въ Ахенѣ, епископа Гюнтера въ Бамбергѣ, и многихъ другихъ, хранимыхъ въ ризницахъ разныхъ нѣмецкихъ соборовъ. Про одну подобную работу свою, надъ матеріей епископа Гюнтера, Мартенъ разсказываетъ такъ: „Получивъ отъ капитула Бамбергскаго собора эту матерію, я увидѣлъ, что мнѣ предстоитъ работа, столько же способная привести въ уныніе, сколько и соблазнительная. Матерія эта—нѣчто въ родѣ тоненькой тафты, гдѣ разнообразныя краски сохранились почти вездѣ въ полномъ блескѣ, кромѣ средней части, которая, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, раскрошилась на тысячу кусочковъ. Но именно эта средняя часть и казалась всего болѣе любопытною: каково же было отыскивать настоящее мѣсто такой массы крошечныхъ обрывковъ, совершенно незначительныхъ каждый въ отдѣльности, и принадлежащихъ къ неизвѣстному цѣлому? Мнѣ пришлось вооружиться всѣмъ терпѣніемъ антикварія и провести цѣлыхъ почти четыре дня, лежа на полу, лицомъ къ матеріи, въ худо освѣщенной залѣ, для того, чтобы совершить мое малевкое завоеваніе. Все нашлось, кромѣ лица императора (средняя фигура) и головы коня, на которомъ онъ ѣдетъ верхомъ. Я почувствовалъ себя вполне вознагражденнымъ, увидавъ наконецъ передъ собою всю возстановленную мною сцену. Я очутился при

блестящемъ дворѣ Константинопольскомъ, въ эпоху процвѣтанія художествъ. Наслѣдникъ Константина Великаго, Констанцій, считающій себя владыкой цѣлаго міра, ѣдетъ въ великомъ парадѣ и принимаетъ поклоненіе Востока и Запада, изображенныхъ подъ видомъ двухъ царицъ, босовогихъ и подносящихъ ему шлемъ войны и вѣнокъ міра¹⁾. Открытія г. Прохорова не были столько же важны, какъ открытія Мартена: ему не привелось найти и изслѣдовать ни той матеріи, въ которой погребенъ былъ Карлъ Великій, ни матеріи съ изображеніемъ Византійскаго императора Констанція; но и то, что онъ открылъ или изслѣдовалъ, имѣетъ для насъ очень важное значеніе, и, во всякомъ случаѣ, стоило ему такихъ же трудовъ и требовало такого же знанія, какіе были на лицо у Мартена. И мнѣ хотѣлось сохранить здѣсь память объ одной изъ тѣхъ работъ, результатами которыхъ въпослѣдствіи всѣ пользуются, но которыя сами совершенно позабываются.

Изслѣдованныя и объясненныя г. Прохоровымъ матеріи, оказавшіяся въ Россіи, слѣдующія: 1) матеріи, найденныя профессоромъ Самоквасовымъ въ Левинскомъ курганѣ, близъ Стародуба, Черниговской губерніи (4 узора); 2) матеріи, найденныя также профессоромъ Самоквасовымъ въ курганѣ близъ Кіева (2 узора); 3) матеріи, составлявшія одежду великаго князя Андрея Боголюбскаго, найденныя при открытіи его мощей: остатки эти хранятся теперь во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (5 узоровъ); 4) матеріи, найденныя во время раскопокъ графа А. С. Уварова и П. С. Савельева, въ Юрьевскомъ и Суздальскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи (13 узоровъ²⁾); 5) матеріи, найденныя во „Владимірскомъ кладѣ“ (4 узора). Объясненія матерій, съ художественной и технической стороны, приложенныя г. Прохоровымъ къ этимъ 31 узорамъ матерій, по всей вѣроятности XI и XII вѣка, вполне самостоятельны и составляютъ цѣнный вкладъ въ разработку вопроса о матеріяхъ, бывшихъ въ употребленіи въ древней Руси.

¹⁾ Mélanges d'archéologie, 1851, статья Мартена: Etoffes historiques, стр. 252.

²⁾ Эти послѣднія матеріи были изданы, но безъ красокъ, въ атласѣ, составляющемъ III-й томъ «Древней русской исторіи до монгольскаго ига», Полюдина. Въ объяснительномъ текстѣ къ рисункамъ (стр. 61) сказано, что рисунки эти доставлены г. Прохоровымъ. Въ болѣе полномъ видѣ, и въ краскахъ, эти матеріи изданы въ атласѣ при сочиненіи графа Уварова: «Меряне и ихъ бытъ», С.-Пб., 1872, атласъ, табл. XXXV.

Я обозрѣлъ книгу г. Прохорова. Я указалъ ей составъ и матеріалы, ея сильныя и слабыя стороны, и надѣюсь, что читатель можетъ изъ этого получить достаточное понятіе о ея настоящемъ значеніи. Но я не считаю на этомъ задачу свою оконченною. Я нахожу, что мнѣ слѣдуетъ указать теперь на одинъ существенный недостатокъ, встрѣчаемый не только въ книгѣ г. Прохорова, но даже и въ болѣе обширныхъ существующихъ у насъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, гдѣ трактуется о древне-русскомъ костюмѣ и бытовой обстановкѣ, вообще гдѣ приводятся памятники искусства, воспроизводящіе этотъ костюмъ и бытъ. Этотъ недостатокъ—включеніе, въ число предметовъ и вещей вполне русскихъ, множества предметовъ и вещей, изъ которыхъ нѣтъ ровно ничего не только русскаго, но вообще славянскаго. Эта ошибка происходитъ отъ недостаточнаго изученія этнографической стороны дѣла, а въ такомъ изученіи, по моему убѣжденію, лежитъ корень къ истинному познанію всего дѣйствительно національнаго въ костюмѣ и бытѣ народа. Когда это упускаютъ изъ виду, въ результатѣ нерѣдко получается рядъ очень крупныхъ ошибокъ. Надѣюсь это доказать слѣдующими примѣрами.

I. Изображенія костюма и быта Скиевъ. Въ новомъ своемъ сочиненіи г. Прохоровъ представилъ очень много таблицъ съ разными изображеніями, относящимися до Скиевъ и ихъ жизни. На нынѣшній разъ у г. Прохорова количество ихъ во много разъ превосходитъ количество рисунковъ подобнаго же рода, которые онъ приложилъ въ ряду статей, появившихся въ его Русскихъ древностяхъ 1871 года. Еслибы возможно было принять, что костюмъ, вооруженіе и разнообразнѣйшія подробности быта Скиевъ должны имѣть мѣсто въ изложеніи исторіи русскаго костюма и бытовой обстановки, тогда нельзя было бы не похвалить г. Прохорова за ревность и старательность, съ которою онъ занялся этимъ спеціальнымъ вопросомъ и старался представить наиболѣе полное собраніе всего, встрѣчавшагося у Скиевъ по той части, которая составляла предметъ его обзора.

Изобразивъ, сначала, въ своемъ атласѣ, обѣ знаменитыя вазы Эрмитажа: никопольскую и куль-обскую, со всѣми ихъ безконечно оригинальными, интересными и важными подробностями, собственно для объясненія мужскаго костюма и вооруженія Скиевъ, г. Прохоровъ представилъ потомъ женскій скиевскій костюмъ по предметамъ, найденнымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ. Золотой вѣнецъ съ головы царицына остова, золотыя серьги изъ ея ушей, золотое ожерелье съ ея шеи, золотыя браслеты и перстни съ рукъ, золотыя бляхи съ вышив-

ными рисунками—съ остатковъ вуала; затѣмъ, золотой головной уборъ и украшеніе одеждъ жрицы богини Димитры, и потомъ, цѣлая таблица, очень тщательно составленная, заключающая 25 женскихъ головныхъ уборовъ, выбранныхъ г. Прохоровымъ съ terra-cottovýchъ скинскихъ произведеній; далѣе, золотыя иныя украшенія, найденныя на остовахъ сначала скинскихъ воиновъ, потомъ Скиновъ вообще, средняго званія; наконецъ, изображенія многообразныхъ украшеній скинской конской сбруи, колесницъ, военныхъ значковъ и т. д. Все это требовало огромныхъ розысканій, сообразительности и запяія. Еслибы дѣло шло собственно о Скивахъ, ничто не могло быть полнѣе, лучше и удовлетворительнѣе. Но дѣло идетъ не о Скивахъ, а о Славянахъ, и притомъ спеціально о Славянахъ Русскихъ. Съ какой же стати такъ много мѣста и изображеній отведено этимъ народамъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ надо считать, что Скины—это прародители Русскихъ? Я знаю, не одинъ г. Прохоровъ это думаетъ, у него въ этомъ есть товарищи и у насъ, и между заграничными писателями. Но не на ихъ сторонѣ перевѣсъ доказательствъ, и филологическихъ, и географическихъ, и историческихъ. Преобладающее мнѣніе современной науки то, что Скины—племя разнородное, мозаичное, но такое, у котораго главное центральное ядро было составлено изъ племенъ Иранскихъ. Здѣсь не мѣсто для изложенія вполнѣ побѣдоносныхъ доказательствъ этого послѣдняго положенія, потому что наиглавнѣйшая ихъ доля принадлежитъ къ области филологій и сравнительнаго языковѣдѣнія. Но если обратиться къ одному только костюму, насъ одному только здѣсь и занимающему, мы точно также должны будемъ отрицать всякую возможность считать Скиновъ тождественными со Славянами, и именно со Славянами Русскими. Разница у тѣхъ и другихъ въ костюмѣ и во всей бытовой обстановкѣ—громадная, рѣшительная. Обыкновенно ссылаются, въ вопросѣ о славянствѣ Скиновъ, на текстъ Геродота. Но именно этотъ-то текстъ всего болѣе и свидѣтельствуетъ противъ славянства Скиновъ. Геродотъ описываетъ Скиновъ кочевниками, наѣздниками, народомъ конниковъ, и это въ такой степени, что даже хоропились они вмѣстѣ со своимъ конемъ. Напротивъ, Славяне, и всего болѣе Славяне Русскіе, вовсе не были племенами ни кочевыми, ни конными. Для обозначенія такого характера ихъ, нѣтъ ни одной черты во всей древнѣйшей нашей исторіи, и ни одной черты во всемъ характерѣ и бытѣ послѣдующихъ временъ. Славяне были племена по преимуществу пѣшія и осѣдлыя. Если же считать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые наши писатели, въ томъ числѣ г. Забѣлинъ (въ перево-

сходномъ, впрочемъ, сочиненіи своемъ „Исторія русской жизни“), что прародителями Славянъ Русскихъ надо считать не Скиновъ вообще, не Скиновъ-кочевниковъ, а специально тѣхъ Скиновъ-оратаевъ, которые, по свидѣтельству Геродота, состояли, какъ покоренная народность, туземная и болѣе автохтонная, въ подданствѣ пришельцевъ Скиновъ-кочевниковъ, то на это нельзя не отвѣчать, что это ничто иное, какъ только предположеніе, ничѣмъ не доказываемое въ текстѣ Геродота, тѣмъ болѣе, что все сказанное у этого писателя о Скинахъ-оратаяхъ отличается необыкновенною краткостью и отсутствіемъ опредѣленныхъ подробностей, тутъ всего болѣе нужныхъ. Что Скины-оратаи, по Геродоту, „сѣли хлѣбъ не для сѣдм, а на продажу“, это нисколько еще не доказываетъ, какъ думаетъ г. Забѣлинъ¹⁾, что они-то и были наши прародители, и впоследствии сдѣлались корнемъ нашей Руси. Между нашими прародителями и Скинами мало ли тутъ могло перебивать племенъ и поколѣній! Но пусть, даже, будетъ вполне справедлива гипотеза г. Забѣлина, пусть его Скины-оратаи суть ничто иное, какъ Поляне-Кіане Нестора, и зародышъ Русскаго народа, — все-таки ни г. Прохоровъ, ни кто-либо другой изъ историковъ русскаго костюма не имѣетъ права возстановлять костюмъ Скиновъ. Полянъ-Кіанъ на основаніи костюма Скиновъ, ихъ владыкъ. Даже по признанію самого г. Забѣлина, между тѣми и другими существуетъ цѣлая пропасть. Первые — коренные туземцы, вторые — пришлецы. Первые, пахары, земледѣльцы; вторые — кочевники. Что можетъ быть общаго между тѣми и другими, какая связь, какое соотношеніе? Руководствуясь своими же собственными великолѣпными раскопками (безконечно драгоценными не только для русской, но и для всей европейской науки), принимая также въ соображеніе все, что изображено на барельефахъ нашихъ чудныхъ скинскихъ вазъ и другихъ однородныхъ предметовъ, г. Забѣлинъ говоритъ²⁾: „Скинская одежда была именно одежда лихаго наѣздника“. Это совершенно справедливо: стоитъ взглянуть даже на однѣ только двѣ вазы, никопольскую (чертомлыцкую) и кудъ-обскую, а также на тѣ, очень извѣстныя золотыя бляшки и обручи, гдѣ изображены Скины верхомъ, чтобы согласиться съ опредѣленіемъ г. Забѣлина. Коротенькій и плотно сидящій кафтанчикъ, коротенькіе сапожки, перевязанные у лодыжки и подтянутые подъ пятку, узкіе рукава, станъ туго стянутый ремнемъ, баш-

1) Забѣлинъ, Исторія русской жизни, I, 251.

2) Забѣлинъ, Исторія русской жизни, I, 642.

лики отъ непогоды и холода во время долгихъ переѣздовъ и кочевокъ на открытомъ воздухѣ, часто по цѣлымъ ночамъ напролетъ— все это подробности, какъ нельзя болѣе удобныя и пригодныя для наѣздника и кочевника. Но какое значеніе все это имѣетъ для пахаря, для осѣдлаго жителя, работающаго только въ продолженіе известной доли дня? Неужели можно указать на такихъ земледѣльцевъ, которые ходятъ на полосу въ сапогахъ, башлыкахъ и мѣховыхъ кафтанчикахъ? Этого не найдешь нигдѣ, въ томъ числѣ и не въ древней Россіи. Нашъ земледѣлецъ всегда работалъ и работаетъ на полѣ—въ лаптяхъ, или какой ни на есть легкой обуви, мѣха и башлыка не надѣнетъ, потому что у него и такъ потъ градомъ катитъ по лицу и груди. Длинныхъ панталонъ, завязанныхъ у лодыжки, узкихъ, почти въ обтяжку (какъ на куль-обской вазѣ), покрытыхъ притомъ полосами разнообразныхъ узоровъ, никогда, по видимому, и не слыхано и не видано во всемъ славянствѣ, въ томъ числѣ въ славянствѣ русскомъ. Но спрашивается: какую вообще роль могутъ играть, для изображенія мирныхъ пахарей, фигуры людей, постоянно представляемыхъ съ луками, щитами и копьями, арканящихъ себѣ степныхъ коней для набѣга, перевязывающихъ другъ другу раны, или свидѣтельствующихъ зубы во рту, сокрушенные во время боевъ и схватокъ? Очевидно, тутъ нѣтъ ровно ничего для иллюстраціи Кіевъ-Полянъ. Нестора, нашихъ прародителей. Мы признаемъ только тогда возможнымъ переносить одежду Скивовъ-кочевниковъ на Скивовъ-пахарей, когда будетъ доказано, что побѣдители отступились отъ одежды своей профессіи и позаимствовали отъ своихъ побѣжденныхъ подданныхъ то, что у тѣхъ было прежде въ употребленіи. Но этого нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что мы находимъ у Скивовъ-кочевниковъ только ту одежду, какая имъ свойственна и пригодна по роду ихъ жизни. Но этого мало. Мы находимъ у Скивовъ нашихъ вазъ множество такихъ подробностей, которыя заставляютъ насъ еще сильнѣе призадуматься. Мы находимъ у нихъ царей и царицъ, цѣлый придворный штатъ, парадныя колесницы, военные значки, множество предметовъ обихода, богатыхъ, изящныхъ, по преимуществу металлическихъ, изъ драгоценныхъ металловъ: гдѣ все это найдемъ мы у Славянъ Русскихъ, народовъ по видимому специально демократическихъ въ самомъ корню своемъ (если судить по „привзанію князей изъ Руси“) и слишкомъ незнакомыхъ съ роскошью? Колесницы, не только пышныя, но какія бы то ни было, художественныя чаши и кубки, золотые баральфы и тонкіе орнаменты, изумительныя конскія сбруи, неужели все это имѣетъ что-

ганахъ различныхъ мѣстностей Россіи" и т. д. ¹⁾); точно также, рисунки, взятые изъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій, не носятъ указанія своего происхожденія. Текстъ, съ своей стороны, ничуть не пополняетъ этихъ пробѣловъ. Все это—недостатки, которые очень жалко встрѣчать въ книгѣ г. Прохорова, но они не умаляютъ внутреннего, кореннаго значенія ея.

Раньше всего нельзя не замѣтить, что эти рисунки выполнены отлично, со всевозможною археологическою точностью, а вотворыхъ, количество ихъ чрезвычайно значительно, такъ что наврядъ ли можно указать изъ всего, до сихъ поръ имѣющагося на лицо, матеріала для исторіи русскихъ одеждъ до конца XII вѣка что не вошло бы въ составъ рисунковъ г. Прохорова.

Сначала идутъ у него многочисленныя рисунки, изображающіе разнообразныя подробности костюма и вооруженій тѣхъ племенъ до-историческихъ, которыя г. Прохоровъ счелъ нужнымъ включить въ свою общую картину—это племена Скинскія, о нихъ я буду говорить ниже. Затѣмъ у него представлены костюмы, принадлежащіе разнымъ народамъ на нѣкоторыхъ керченскихъ фрескахъ первыхъ столѣтій послѣ Р. Хр. Далѣе слѣдуютъ въ высшей степени интересныя предметы, полученные изъ раскопокъ въ Кіевской и Полтавской губерніи г. Самоквасова (два серебряныхъ туръихъ рога, желѣзные шлемы, рубашка и шапка изъ золотой матеріи съ золотыми металлическими бляхами и орнаментами, золотыя вѣнчики, браслеты и другія женскія украшенія); потомъ представлены цѣлыя таблицы сережекъ, ожерелій, браслетовъ, пряжекъ, застежекъ, подвѣсокъ, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго оружія, полученныхъ изъ раскопокъ въ разнообразнѣйшихъ краяхъ Европейской и Азіатской Россіи. Тутъ же является нѣсколько образцовъ такъ-называемыхъ „каменныхъ бабъ“ изъ разныхъ мѣстностей южной и восточной Россіи и любопытная маленькая бронзовая статуетка, до сихъ поръ извѣстная подъ именемъ „божка“, найденная въ одномъ курганѣ Полтавской губерніи и хранимая въ музеѣ Кіевского университета. Потомъ помѣщены на нѣсколькихъ листахъ: во первыхъ, тѣ барельефы съ Траяновой колонны, на которыхъ предполагаются изображенія Славянскихъ племенъ, во время ихъ войны съ императоромъ Траяномъ; далѣе, барельефъ изъ слоно-

¹⁾ Я не могу указать здѣсь, на какихъ именно таблицахъ сдѣланы такіе неудовлетворительныя надписи, потому что ни одна таблица въ изданіи г. Прохорова не обозначена цифрою.

вой кости, представляющій покореніе императоромъ Констанціемъ II народы (въ томъ числѣ Славянъ, по мнѣнію г. Прохорова), и изображение двухъ Болгаръ изъ рукописнаго *Menologium Graecorum* X вѣка, находящагося въ Ватиканской библіотекѣ. Отъ сихъ поръ идутъ, въ атласѣ, изображенія разнаго рода, взятые съ памятниковъ собственно русскихъ: значить, эта часть атласа имѣетъ для насъ особенно большой интересъ и значительность. Въ началѣ представлены въ высшей степени любопытныя и очень разнообразныя фрески на лѣстницѣ нашего Кіево-Софійскаго собора, относимыя къ XI вѣку. Далѣе слѣдуютъ рисунки изъ Святославова Сборника 1073 года: княжеское семейство, „Дѣва“, „Близнецы“, „Стрѣлецъ“, „Водолей“ изъ „Зодіака“ этой рукописи, и еще одна маленькая человѣческая фигурка съ поднятыми къ головѣ руками—изъ другого мѣста той же рукописи. Потомъ являются: изображеніе во весь ростъ молодаго Русскаго князя въ рукописи XII вѣка „объ Антихристѣ“, соч. Ипполита, папы Римскаго (рукопись находится въ Чудовомъ монастырѣ, въ Москвѣ); изображенія князей Бориса и Глѣба на окладѣ Мстиславова Евангелія, XII вѣка; изображеніе князя Бориса на рязанскихъ бармахъ, XII вѣка; изображеніе, во весь ростъ, князя Ярослава Владиміровича Новгородскаго, на фрескѣ XII вѣка Нередицкой церкви, близъ Повгорода, и изъ той же церкви, фресковыя изображенія святыхъ: „Катерины“, „Хрѣстины“, „Варвары“ и „Улианы“, также XII вѣка. Наконецъ, рядъ рисунковъ, приложенныхъ къ 1-му выпуску г. Прохорова, кончается 9-ю таблицами, содержащими изображенія множества матерій, найденныхъ въ могилахъ разныхъ русскихъ мѣстностей.

Во всемъ этомъ виѣстѣ заключается богатый матеріалъ для пользования ученаго, художника, литератора, наконецъ каждаго любознательнаго человѣка вообще, изъ среды публики. Часть этихъ рисунковъ, по преимуществу представляющая памятники до-историческіе, или не специально-русскіе, а вообще славянскіе, выбрана г. Прохоровымъ изъ множества ученыхъ и художественныхъ изданій, отдѣльно изданныхъ въ разное время; рисунки эти никогда еще не являлись, какъ здѣсь, въ ихъ общей сложности, не представляли одной общей картины для иллюстрированія древне-славянской и древне-русской жизни и бытовой обстановки. Но другая часть, безъ сомнѣнія—наиважнѣйшая, представляетъ намъ памятники специально историческаго періода нашего отчества, и здѣсь проявляется наибольшая заслуга г. Прохорова, такъ какъ одни изъ памятниковъ, здѣсь на-

ходящіяся, хотя и были уже изданы, но являются въ болѣе вѣрной противъ прежняго передачѣ (по снимкамъ самого г. Прохорова), а другіе до г. Прохорова нигдѣ еще изданы не были. Къ числу первыхъ относятся, напримѣръ, фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора (изданные прежде, очень впрочемъ, неудовлетворительно, у г. Закревскаго при его сочиненіи: „Описаніе Кіева“ (Москва, 1868 г., 4°, т. II, листъ 12-й), и повторенные въ атласъ, также очень неудовлетворительномъ, при сочиненіи Погодина: „Древняя русская исторія до монгольскаго ига“ (Москва, 1871 г., 4°, томъ III, листы 57—59). Ко вторымъ относятся слѣдующія въ высшей степени значительныя памятники: 1) Изображеніе велико-княжескаго семейства, фресковою живописью, внутри Кіево-Софійскаго собора, на правой сторонѣ: г. Прохоровъ даетъ намъ это изображеніе, какъ оно было найдено и срисовано г. Солнцевымъ, по отбитіи штукатурки, сильно поврежденное, но очень значительное, по подробностямъ костюма представленныхъ тутъ лицъ: на четырехъ княжескихъ фигурахъ одежда по нѣкоторымъ подробностямъ—византійская, по другимъ—русская, какъ и на картинѣ Святославова Сборника. 2) Изображеніе князя въ рукописи Чудовскаго монастыря „объ Антихристѣ“, соч. Ипполита, папы Римскаго. Изображеніе это до г. Прохорова никогда не было издано; г. Прохоровъ не только сообщилъ точную копію съ этого рисунка, къ несчастію сильно попорченнаго, но и присовокупилъ еще нѣслѣдованіе о личности изображеннаго тутъ князя: по его доводамъ (очень основательнымъ также и по моему мнѣнію), здѣсь мы не можемъ видѣть Всеволода-Гавріила, князя Новгородскаго, внука Мономахова, какъ это полагалъ профессоръ Срезневскій ¹⁾ и слѣдъ затѣмъ повторялъ профессоръ Невоструевъ, въ своемъ изданіи рукописи Чудовскаго монастыря ²⁾. Г. Прохоровъ доказываетъ, что князь Всеволодъ-Гавріилъ не могъ бы быть изображенъ на миниатюрѣ безъ бороды, потому что умеръ имѣя болѣе тридцати лѣтъ отъ роду; что онъ не могъ бы также быть изображенъ съ крестомъ въ рукѣ, такъ какъ крестъ въ рукѣ—иконографическая принадлежность однихъ мучениковъ, а онъ мученикомъ не былъ. Къ этому г. Прохоровъ прибавляетъ ту важную для исторіи костюма замѣтку, что въ XII вѣкѣ „у насъ на Руси ни-

¹⁾ Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ памятникахъ. С.-Ииб., 1867, вып. II, стр. 41—48.

²⁾ Невоструевъ, Слово св. Ипполита объ Антихристѣ по списку XII вѣка, Москва, 1868, стр. 3.

какихъ скипетровъ не было и потому его не могло быть представлено на русской миниатюрѣ этого времени (какъ утверждалъ профессоръ Невоструевъ, при описаніи настоящей миниатюры); притомъ же предметъ, изображенный на этой миниатюрѣ, въ рукѣ у неизвѣстнаго князя, на столько явственно видѣнъ въ оригинальномъ рисункѣ, что о немъ сомнѣнія быть не можетъ. Что же касается до самаго костюма князя, то г. Прохоровъ признаетъ его отчасти византійскимъ, отчасти русскимъ. 3) Изображеніе князя Ярослава Владиміровича Новгородскаго, на стѣнѣ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода. На это изображеніе первый обратилъ вниманіе г. Прохоровъ, не смотря на то, что оно въ продолженіе долгихъ столѣтій стояло открыто передъ глазами десятковъ и сотенъ тысячъ неученыхъ и ученыхъ посѣтителей, перебивавшихъ въ Нередицкой церкви. Г. Прохорову удалось даже, отбивъ верхнюю, болѣе позднюю штукатурку, найдти внизу самое древнее изображеніе князя, съ другими подробностями костюма, при чемъ у князя, вмѣсто длинной сѣдой бороды, обнаружилась небольшая русая борода, и князь оказался не старикомъ, а человѣкомъ среднихъ лѣтъ. 4) Изображенія четырехъ святыхъ мученицъ, съ фресокъ XII вѣка, изъ церкви Спаса въ Нередицахъ близъ Новгорода. Эти рисунки впервые замѣчены и опубликованы г. Прохоровымъ, и служатъ ему важнымъ матеріаломъ для подробнаго опредѣленія русской женской одежды XII вѣка, при чемъ г. Прохоровъ даже даетъ указаніе, какъ именно та или другая часть костюма надѣвалась и носилась (это всего болѣе относится къ той широкой полосѣ, въ родѣ эпитрахили, которая представлена на трехъ изъ числа этихъ святыхъ женъ: у свв. Екатерины, Христины и Варвары, и идетъ отъ шеи внизъ напередъ до ногъ. По объясненію г. Прохорова, на свв. Екатерину и Хрестину надѣты одежды „нарядныя, принадлежащія высшему сословію“. Наконецъ, 5) коллекція рисунковъ съ матерій. Эта коллекція есть одна изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ частей всего атласа. Въ такомъ количествѣ и разнообразіи никогда еще матерій, бывшія въ употребленіи у древнихъ Русскихъ, не бывали представлены. Г. Прохоровъ собралъ все, что до сихъ поръ извѣстно по этой части. „Нѣкоторыя изъ этихъ матерій“, говоритъ г. Прохоровъ, — „съ трудомъ собраны мною и съ натуры нарисованы. Много труда мнѣ стоило изъ множества отдѣльныхъ мелкихъ кусочковъ матеріи добыться общаго на ней узора“. Какой это былъ трудъ, и какихъ онъ требовалъ усилій, знаній, сообразительности и вѣрнаго археологическаго взгляда, я могъ въ томъ

лично убѣдиться, когда, въ 1866 году, занимаясь изслѣдованіемъ „Владимірскаго клада“, принадлежащаго Эрмитажу, я приступилъ къ разсмотрѣнію и изданію также и кусковъ шелковой матеріи и позументовъ, по всей вѣроятности XII вѣка, входившихъ въ составъ этой драгоцѣнной находки. Куски матеріи и позументовъ образовали одинъ какой-то сплошной, слежавшійся въ землѣ темный комокъ, состоявшій изъ множества полусгнившихъ кусковъ, въ которыхъ почти ничего нельзя было различить. Но г. Прохоровъ взялъ на себя изслѣдовать и разсмотрѣть эти темные, безобразные комки, и черезъ нѣсколько дней упорной работы (при которой я иногда присутствовалъ) онъ разобралъ куски, нашелъ тѣ, которые сходятся, сложилъ разрозненные и разбросанныя части и наконецъ составилъ, по возможности, общее цѣлое, гдѣ уже очень явственно можно было различать линіи и узоры. Въ такомъ видѣ эти отрывки матерій сохраняются теперь въ Эрмитажѣ, и тогда же, въ 1866 году, изданы мною въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Археологическ. Общества. Эта работа г. Прохорова совершенно напоминаетъ мнѣ работу подобнаго же рода, совершенную, лѣтъ тридцать назадъ, знаменитымъ французскимъ археологомъ, іезуитомъ Мартеномъ, надъ остатками разныхъ средневѣковыхъ матерій, найденныхъ имъ въ гробницахъ Карла Великаго въ Ахенѣ, епископа Гюнтера въ Бамбергѣ, и многихъ другихъ, хранимыхъ въ ризницахъ разныхъ нѣмецкихъ соборовъ. Про одну подобную работу свою, надъ матеріей епископа Гюнтера, Мартенъ разсказываетъ такъ: „Получивъ отъ капитула Бамбергскаго собора эту матерію, я увидѣлъ, что мнѣ предстоитъ работа, столько же способная привести въ уныніе, сколько и соблазнительная. Матерія эта—нѣчто въ родѣ тоненькой тафты, гдѣ разнообразныя краски сохранились почти вслѣдствіе въ полномъ блескѣ, кромѣ средней части, которая, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, раскрошилась на тысячу кусочковъ. Но именно эта средняя часть и казалась всего болѣе любопытною: каково же было отыскивать настоящаго мѣста такой массы крошечныхъ обрывковъ, совершенно незначительныхъ каждый въ отдѣльности, и принадлежащихъ къ неизвѣстному цѣлому? Мнѣ пришлось вооружиться всѣмъ терпѣніемъ антикварія и провести цѣлыхъ почти четыре дня, лежа на полу, лицомъ къ матеріи, въ худо освѣщенной залѣ, для того, чтобы совершить мое маленькое завоеваніе. Все нашлось, кромѣ лица императора (средняя фигура) и головы коня, на которомъ онъ ѣдетъ верхомъ. Я почувствовалъ себя вполне вознагражденнымъ, увидавъ наконецъ передъ собою всю восстановленную мною сцену. Я очутился при

блестящемъ дворѣ Константинопольскомъ, въ эпоху процвѣтанія художествъ. Наслѣдникъ Константина Великаго, Констанцій, считающій себя владыкой цѣлаго міра, ѣдетъ въ великомъ парадѣ и принимаетъ поклоненіе Востока и Запада, изображенныхъ подъ видомъ двухъ царицъ, босоногихъ и подносящихъ ему шлемъ войны и вѣнокъ міра¹⁾. Открытія г. Прохорова не были столько же важны, какъ открытія Мартена: ему не привелось найти и изслѣдовать ни той матеріи, въ которой погребенъ былъ Карлъ Великій, ни матеріи съ изображеніемъ Византійскаго императора Констанція; но и то, что онъ открылъ или изслѣдовалъ, имѣетъ для насъ очень важное значеніе, и, во всякомъ случаѣ, стоило ему такихъ же трудовъ и требовало такого же знанія, какіе были на лицо у Мартена. И мнѣ хотѣлось сохранить здѣсь память объ одной изъ тѣхъ работъ, результатами которыхъ въ послѣдствіи всѣ пользуются, но которыя сами совершенно позабываются.

Изслѣдованныя и объясненныя г. Прохоровымъ матеріи, оказавшіяся въ Россіи, слѣдующія: 1) матеріи, найденныя профессоромъ Самоквасовымъ въ Левинскомъ курганѣ, близъ Стародуба, Черниговской губерніи (4 узора); 2) матеріи, найденныя также профессоромъ Самоквасовымъ въ курганѣ близъ Кіева (2 узора); 3) матеріи, составлявшія одежду великаго князя Андрея Боголюбскаго, найденныя при открытіи его мощей: остатки эти хранятся теперь во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (5 узоровъ); 4) матеріи, найденныя во время раскопокъ графа А. С. Уварова и П. С. Савельева, въ Юрьевскомъ и Суздальскомъ уѣздахъ Владимірской губерніи (13 узоровъ²⁾); 5) матеріи, найденныя во „Владимірскомъ кладѣ“ (4 узора). Объясненія матерій, съ художественной и технической стороны, приложенныя г. Прохоровымъ къ этимъ 31 узорамъ матерій, по всей вѣроятности XI и XII вѣка, вполне самостоятельны и составляютъ цѣнный вкладъ въ разработку вопроса о матеріяхъ, бывшихъ въ употребленіи въ древней Руси.

¹⁾ Mélanges d'archéologie, 1851, статья Мартена: Etoffes historiques, стр. 252.

²⁾ Эти послѣднія матеріи были изданы, но безъ красокъ, въ атласѣ, составляющемъ III-й томъ «Древней русской исторіи до монгольскаго ига», Полюдина. Въ объяснительномъ текстѣ къ рисункамъ (стр. 61) сказано, что рисунки эти доставлены г. Прохоровымъ. Въ болѣе полномъ видѣ, и въ краскахъ, эти матеріи изданы въ атласѣ при сочиненіи графа Уварова: «Меряне и ихъ бытъ», С.-Пб., 1872, атласъ, табл. XXXV.

Я обозрѣлъ книгу г. Прохорова. Я указалъ ей составъ и матеріалы, ея сильныя и слабыя стороны, и надѣюсь, что читатель можетъ изъ этого получить достаточное понятіе о ея настоящемъ значеніи. Но я не считаю на этомъ задачу свою оконченною. Я нахожу, что мнѣ слѣдуетъ указать теперь на одинъ существенный недостатокъ, встрѣчаемый не только въ книгѣ г. Прохорова, но даже и въ болѣе обширныхъ существующихъ у насъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, гдѣ трактуется о древне-русскомъ костюмѣ и бытовой обстановкѣ, вообще гдѣ приводятся памятники искусства, воспроизводящіе этотъ костюмъ и бытъ. Этотъ недостатокъ—включеніе, въ число предметовъ и вещей вполне русскихъ, множества предметовъ и вещей, въ которыхъ нѣтъ ровно ничего не только русскаго, но вообще славянскаго. Эта ошибка происходитъ отъ недостаточнаго изученія этнографической стороны дѣла, а въ такомъ изученіи, по моему убѣжденію, лежитъ корень къ истинному познанію всего дѣйствительно національнаго въ костюмѣ и бытѣ народа. Когда это упускаютъ изъ виду, въ результатъ нерѣдко получается рядъ очень крупныхъ ошибокъ. Надѣюсь это доказать слѣдующими примѣрами.

I. Изображенія костюма и быта Скиевъ. Въ новомъ своемъ сочиненіи г. Прохоровъ представилъ очень много таблицъ съ разными изображеніями, относящимися до Скиевъ и ихъ жизни. На нынѣшній разъ у г. Прохорова количество ихъ во много разъ превосходитъ количество рисунковъ подобнаго же рода, которые онъ приложилъ къ ряду статей, появившихся въ его Русскихъ древностяхъ 1871 года. Еслибы возможно было принять, что костюмъ, вооруженіе и разнообразнѣйшія подробности быта Скиевъ должны имѣть мѣсто въ изложеніи исторіи русскаго костюма и бытовой обстановки, тогда нельзя было бы не похвалить г. Прохорова за ревность и старательность, съ которою онъ занялся этимъ спеціальнымъ вопросомъ и старался представить наиполнѣйшее собраніе всего, встрѣчавшагося у Скиевъ по той части, которая составляла предметъ его обзора.

Изобразивъ, сначала, въ своемъ атласѣ, обѣ знаменитыя вазы Эрмитажа: никопольскую и куль-обскую, со всѣми ихъ безконечно оригинальными, интересными и важными подробностями, собственно для объясненія мужскаго костюма и вооруженія Скиевъ, г. Прохоровъ представилъ потомъ женскій скиевскій костюмъ по предметамъ, найденнымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ. Золотой вѣнецъ съ головы царьцына остова, золотыя серьги изъ ея ушей, золотое ожерелье съ ея шее, золотыя браслеты и перстни съ рукъ, золотыя бляхи съ выбив-

ными рисунками—съ остатковъ вуаля; затѣмъ, золотой головной уборъ и украшеніе одеждъ жрицы богини Димитры, и потомъ, цѣлая таблица, очень тщательно составленная, заключающая 25 женскихъ головныхъ уборовъ, выбранныхъ г. Прохоровымъ съ терракотовыхъ скинскихъ произведеній; далѣе, золотыя иныя украшенія, найденныя на основахъ сначала скинскихъ воиновъ, потомъ Скиновъ вообще, средняго званія; наконецъ, изображенія многообразныхъ украшеній скинской конской сбруи, колесницъ, военныхъ значковъ и т. д. Все это требовало огромныхъ розысканій, сообразительности и знанія. Еслибы дѣло шло собственно о Скинахъ, ничто не могло быть полнѣе, лучше и удовлетворительнѣе. Но дѣло идетъ не о Скинахъ, а о Славянахъ, и притомъ специально о Славянахъ Русскихъ. Съ какой же стати такъ много мѣста и изображеній отведено этимъ народамъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ надо считать, что Скины—это прародители Русскихъ? Я знаю, не одинъ г. Прохоровъ это думаетъ, у него въ этомъ есть товарищи и у насъ, и между заграничными писателями. Но не на ихъ сторонѣ перевѣсъ доказательствъ, и филологическихъ, и географическихъ, и историческихъ. Преобладающее мнѣніе современной науки то, что Скины—племя равносоставное, мозаичное, но такое, у котораго главное центральное ядро было составлено изъ племенъ Иранскихъ. Здѣсь не мѣсто для изложенія вполне побѣдоносныхъ доказательствъ этого послѣдняго положенія, потому что наиглавнѣйшая ихъ доля принадлежитъ къ области филологій и сравнительнаго языковѣдѣнія. Но если обратиться къ одному только костюму, насъ одному только здѣсь и занимающему, мы точно также должны будемъ отрицать всякую возможность считать Скиновъ тождественными со Славянами, и именно со Славянами Русскими. Разница у тѣхъ и другихъ въ костюмѣ и во всей бытовой обстановкѣ—громадная, рѣшительная. Обыкновенно ссылаются, въ вопросѣ о славянствѣ Скиновъ, на текстъ Геродота. Но именно этотъ-то текстъ всего болѣе и свидѣтельствуетъ противъ славянства Скиновъ. Геродотъ описываетъ Скиновъ кочевниками, наѣздниками, народомъ конниковъ, и это въ такой степени, что даже хоронились они вмѣстѣ со своимъ конемъ. Напротивъ, Славяне, и всего болѣе Славяне Рускіе, вовсе не были племенами ни кочевыми, ни конными. Для обозначенія такого характера ихъ, нѣтъ ни одной черты во всей древнѣйшей нашей исторіи, и ни одной черты во всемъ характерѣ и бытѣ послѣдующихъ временъ. Славяне были племена по преимуществу пѣшія и осѣдлыя. Если же считать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые наши писатели, въ томъ числѣ г. Забѣлинь (въ прево-

левъ! Г. Прохоровъ этого льва почему-то выпустилъ. Какіе же это Славяне? Притомъ, въ верхней части диптиха, одинъ изъ побѣжденныхъ стоитъ подлѣ верховой фигуры императора-побѣдителя, въ томъ самомъ костюмѣ, какъ и на нашемъ рисункѣ, но на головѣ у него башлыкъ. Какой же это Славянинъ? Значить, и этотъ диптихъ надо исключить изъ числа документовъ для костюма нашихъ предковъ Славянъ.

VI. Важную роль во многихъ сочиненіяхъ послѣднихъ 20—30 лѣтъ о русскихъ древностяхъ и костюмахъ играютъ фрески, находящіяся на лѣстницѣ съ западной стороны Кіево-Софійскаго собора. Тутъ многіе видятъ изображеніе древне-русскаго княжескаго дворца, древнихъ Русскихъ князей и народа на вѣчѣ и судѣ, древне-русской княжеской охоты, древне-русскихъ музыкантовъ, плясунѣвъ и т. д. Все это были бы въ высшей степени важныя и многозначительныя документы для исторіи древней Руси, еслибы только можно было доказать, что тутъ дѣйствительно изображены Русскіе. Но, къ сожалѣнію, это, по моему твердому убѣжденію, невозможно. Во всемъ, что тутъ представлено, нѣтъ ни единой черты русской или вообще славянской, и напротивъ, все здѣсь—византійское, отъ первой и до послѣдней черты. Первое, что насъ поражаетъ, это—изображеніе нѣсколькихъ четырехконныхъ колесницъ, представленныхъ съ лица, и какъ бы приготовляющихся устремиться въ ристалище. Наврядъ ли кто рѣшится отнести нипподромъ и состязаніе колесницъ къ числу явленій древне-русской, кіевской жизни. Напротивъ, точь въ точь такое изображеніе византійскихъ четырехконныхъ колесницъ, съ лица, съ возницей или кучеромъ, стоящимъ во весь ростъ, въ самой серединѣ изображенія, очень обыкновенно на византійскихъ матеріяхъ ¹⁾, стеклянныхъ сосудахъ ²⁾ и т. д. Сверхъ того, цари съ семействами или приближенными, глядящіе изъ верхнихъ колоннадъ или галлерей дворца на происходящее внизу, въ цркѣ, какъ на кіево-софійской фрескѣ, также очень нерѣдко встрѣчаются на разныхъ византійскихъ изображеніяхъ; напримѣръ, на диптихѣ изъ слоновой кости, изданномъ у Гори во II-мъ его томѣ ³⁾. Изъ числа музыкантовъ, одинъ играетъ на инструментѣ, совершенно имѣющемъ видъ арфы, то-есть, струннаго, вертикально стоящаго инструмента, на которомъ играютъ обѣими ру-

¹⁾ *Martin et Cahier, Mélanges d'archéologie, vol. IV, planche 21.*

²⁾ *Gori, Thesaurus diptychorum, vol. II, p. 44.*

³⁾ Тамъ же, vol. II, стр. 86 таблица 16.

ками. Такіе инструменты, очень часто встрѣчаемые въ рисункахъ византійскихъ и на скопированныхъ съ нихъ русскихъ миниатюрахъ, совершенно чужды древне-русской музыкѣ, гдѣ изъ инструментовъ подобнаго рода извѣстны были только гусли, инструментъ струнный, но лежащій, съ деревяннымъ дномъ, какъ *table de résonnance*: на немъ играли щипкомъ, какъ на арфѣ, но не въ бокъ, а сверху внизъ. Сцены охоты (рисунокъ № 16 А. В. С.) очень близко напоминаютъ подобныя же сцены на фрескахъ и мозаикахъ византійскихъ, напримѣръ, на мозаикѣ короля Рожера Сицилійскаго, въ извѣстной его „охотничьей палатѣ“ въ Палермскомъ дворцѣ (рисунокъ № 17)¹⁾. И фигуры стрѣльцовъ, стоящихъ на колѣняхъ, и дерево, кончающееся вверху фигурой на подобіе цвѣтка, съ коронкой изъ 16—18 лепестковъ, и собаки, и олени—все тутъ очень схоже. Но вообще надо замѣтить, что эти фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора вездѣ, гдѣ только ни были изданы до сихъ поръ²⁾, изданы въ высшей степени небрежно и неаккуратно. Не извѣстно, которымъ изъ всѣхъ этихъ рисунковъ можно вполнѣ довѣрять, до того разнятся подробности въ типахъ лицъ, въ формахъ одеждъ (остроконечныя или же неостроконечныя шапки; у однихъ личностей, повязки или же какія-то чадмы на головѣ у другихъ; присутствіе или же отсутствіе мѣха на одеждѣ и шапкахъ?), въ формахъ архитектуры (колонки или столбы въ верхней галлерей; присутствіе или отсутствіе у нихъ капиталей? и т. д.). Эти фрески надо было бы сначала хорошенько изслѣдовать на мѣстѣ, отдѣлить оригинальный, первоначальный рисунокъ отъ позднѣйшихъ реставрацій, приписать и записать и издать ихъ во всей точности: тогда только можно будетъ окончательно рѣшить вопросъ о точномъ происхожденіи этихъ фресокъ, на основаніи множества подробностей архитектуры, костюма, вооруженія, утвари, инструментовъ, мебели и византійскихъ привычекъ жизни, сравненныхъ съ русско-славянскими.

VII. Святославовъ сборникъ 1073 года. Въ этой рукописи знаменитый рисунокъ, изображающій Святославово семейство, несо-

¹⁾ Duca *Serra difalco*, Del duomo di Monreale ed altre chiese Siculo-Normanne, Palermo, 1838, рисунокъ на стран. 3.

²⁾ *Семеновскій*, Сказаніе о ловахъ великихъ князей Кіевскихъ, рисунки на всѣхъ почти страницахъ. С.-Пбургъ, 1857; *Закревскій*, Описаніе Кіева. Москва, 1868, Т. II; *Погодинъ*, Древняя русская исторія, до монгольскаго ига. Москва, 1871, Т. III, таблицы №№ 57, 58, 59; *Прохоровъ*, Русскія древности. 1871, книга IV, таблицы 1—5; *Прохоровъ*, Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и проч. С.-Пбургъ, 1881, таблица (въ краскахъ) при страницѣ 60.

миѣнно представляет личности и костюмы русскіе. Объ этомъ довольно уже говорено въ нашей археологической печати, и по моему миѣнію, вполне удовлетворительно. Въ числѣ лицъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, г. Прохоровъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто по подробности, полнотѣ и точности изслѣдованія костюма, даже до мельчайшихъ и на первый взглядъ маловажныхъ, но въ сущности очень важныхъ подробностей. Онъ въ этомъ превосходитъ даже Оленина, который первый открылъ и изслѣдовалъ эту столько важную для русской науки миниатюру. Но оба они были гораздо менѣе счастливы, когда объясняли и приводили, какъ что-то тоже вполне русское, три фигуры изъ Зодіака, находящіяся также въ числѣ рисунковъ этой самой рукописи. „Стрѣлецъ“, правда, одѣтъ въ рубашку или туннику съ подоткнутыми къ поясу концами подола, на манеръ очень многихъ византийскихъ изображеній, но есть въ этой фигурѣ и другія подробности, совершенно отличающіяся отъ всего византийскаго и русскаго. Первая—это лукъ; вторая—стрѣла. Форма лука у здѣшняго стрѣльца совершенно особенная (рисунокъ № 18): онъ представляетъ выгибъ по серединѣ, тамъ гдѣ лежитъ стрѣла и оттуда въ обѣ стороны, по дальѣ, къ концамъ тетивы, идутъ двѣ совершенно горизонтальныя линіи, образующія рѣзкій изломъ при встрѣчѣ съ остальною среднею выгнутою линіею лука. Такіе луки мы встрѣчали очень часто на памятникахъ сассанидскихъ, особенно тамъ, гдѣ представлена охота ¹⁾. Нашъ рисунокъ № 20 представляетъ особенно явственно такой же сассанидскій лукъ, въ рукахъ у Сассанидскаго царя на охотѣ, изображенной на серебряномъ блюдѣ, принадлежащемъ графу С. Г. Строганову и найденномъ въ раскопкахъ въ Перми ²⁾. Но вспомнимъ еще,—такой же формы луки находятся въ рукахъ тѣхъ варваровъ, которые изображены на серебряномъ турьѣмъ рогѣ профессора Самоквасова, полученномъ изъ Черной могилы близъ Чернигова. Форма лука служитъ новою помѣхою, какъ для стрѣлковъ турьѣго рога, такъ и для стрѣльца въ Зодіакѣ „Святославова Сборника“, чтобы признать эти личности славянскими. Стрѣла въ рукахъ у „стрѣльца“ также имѣетъ форму совершенно своеобразную, а именно—у нея не одно остріе, а два (въ рисункѣ у г. Прохорова и въ изданіи „Святославова Сборника“ Обществомъ любителей древней письменности эта подробность вовсе опущена). Но

¹⁾ *Flandin et Coste, Voyage en Perse, vol. I, planches 10, 12: Tak-i-Bostan, «Chasse aux sangliers».*

²⁾ Отчетъ Археологической комиссіи за 1878 и 1879 годы, таблица № 7.

эту форму стрѣлы мы встрѣчаемъ на многихъ предметахъ и изображеніяхъ характера вовсе не русскаго и не славянскаго. Такъ мы встрѣчаемъ стрѣлу подобнаго рода: 1) въ раскопкахъ нѣкоторыхъ кавказскихъ мѣстностей, въ Осетіи и близъ Тифлиса (рисунокъ № 21 А. В. ¹⁾), 2) въ раскопкахъ Владимірской губерніи ²⁾, 3) у Тунгусовъ и нѣкоторыхъ другихъ сибирскихъ народовъ Тюрско-Монгольскаго племени (рисунокъ № 22) ³⁾, 4) въ числѣ изображеній, изсѣченныхъ разными сибирскими племенами на скалахъ по рѣкѣ Иртышу ⁴⁾, и наконецъ 5) на серебряной оправѣ турьяго рога профессора Самоковскаго (рисунокъ № 8). По всей вѣроятности, мы видимъ тутъ стрѣлы звѣролововъ, назначенныя на то, чтобы попадать пушному звѣрю въ обхватъ горла, и тѣмъ не портить его шкурки. Если такое предположеніе справедливо, то и нашъ „стрѣлецъ“ изъ „Святославова Сборника“ есть не воинъ, а звѣроловъ—подробность любопытная. Во всякомъ случаѣ, и луки, и стрѣлы эти не заключаютъ ничего славянскаго. Многія подробности въ фигурѣ „водолея“, изъ того же Зодіака, подтверждаютъ это положеніе новыми доводами. Эта фигура срисована въ атласѣ у Оленина ⁵⁾ 50 лѣтъ тому назадъ, въ 1832-году, когда всѣ рисунки въ „Святославовомъ Сборникѣ“ были гораздо свѣжѣе и сохраннѣе, чѣмъ теперь; аккуратность же всѣхъ почти вообще снимковъ въ атласѣ Оленина ручается за полную достовѣрность и этого изображенія (рисунокъ № 19). Чтѣ же мы видимъ въ этой фигурѣ? Широкій окладъ головы, широкую форму лица, усы, свѣсившіеся внизъ, широкія скулы, отвислыя широкія губы ⁶⁾, а главное—сидячую позу, съ поджатными ногами, и притомъ ногами, обу-

¹⁾ *Вырубовъ*, Предметы древности въ хранилищѣ общества любителей кавказской археологін. Тифлисъ, 1877 г., таблица IV, №№ 1 и 3.

²⁾ *Графъ Уваровъ*, Моряне и ихъ бытъ. Москва, 1872 г., атласъ, табл. XXX, № 24. Сначала графъ Уваровъ считалъ эти наконечники стрѣлъ перьями отъ стрѣлъ, но впоследствии оставилъ это предположеніе. Въ атласѣ *Людина* (III, табл. 13) одинъ изъ такихъ наконечниковъ съ двумя остриями совершенно произвольно представленъ какъ нижнее перо стрѣлы.

³⁾ *Klein*, *Werkzeuge und Waffen*, Leipzig, 1854, рисунки на стр. 289.

⁴⁾ *Спаскій*, О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей (*Зап. Р. Исир. Общ.*, кн. XII), Табл. VII, №№ 1, 2, 3.

⁵⁾ Атласъ при сочиненіи Оленина: «Опытъ объ одеждѣ... и проч. Словенъ». Таблица IV, рисунокъ E.

⁶⁾ Форма губъ у этой «игуры» и прическа волосъ съ мыскомъ, вдающимися на лобъ, очень хорошо скопированы и переданы у г. Прохорова, въ его атласѣ, въ краскахъ; см. его рисунокъ къ страницѣ 66. «Святославовъ Сборникъ» нашъ хорошо извѣстенъ по оригиналу.

тими въ остроконечные сапоги: все признаки одной изъ расъ азіатскихъ, именно расы тюрко-монгольской. Оленинъ, по видимому, до нѣкоторой степени и самъ чувствовалъ, что фигуры „Зодіака“ не совсѣмъ-то русскія, потому что въ объяснительномъ текстѣ при атласѣ своемъ указываетъ (и совершенно справедливо) на то, что форма лука и стрѣлы у „стрѣльца“ такая, какая существуетъ и до сихъ поръ у Калмыковъ и Монголовъ. Онъ замѣчаетъ, что „можетъ быть, это форма половецкая“—замѣчаніе, конечно очень остроумное и мѣткое. Но необходимо обратить вниманіе еще и на вѣнцы, окружающіе, какъ сіяніе святыхъ, голову „стрѣльца“ и „водолея“. Мы такое сіяніе нрѣдко видимъ въ изображеніяхъ сассанидскихъ, напримѣръ, въ той самой „охотѣ на кабановъ“ въ Такъ-и-Востанѣ, которую мы упоминали выше, и въ другихъ мѣстахъ¹⁾. Но если приведенныя подробности препятствуютъ считать типъ, костюмъ и оружіе „стрѣльца“ и „водолея“ русскими, то соображенія подобнаго же этнографическаго свойства препятствуютъ признавать и „дѣву“ Зодіака русскою личностью, носящую русскій костюмъ. Рубашка съ короткими широкими вышитыми рукавами, кончающимися гораздо выше локтя, — ничего не заключаетъ ни византійскаго, ни славянскаго, а можетъ, по этимъ подробностямъ костюма, быть сравниваема только съ архаическими, этрусскими и греческими фигурами, въ такомъ же костюмѣ, съ короткими рукавами, древнѣйшихъ росписныхъ вазъ, то-есть, съ изображеніями искусства чисто азіатскаго. Откуда всѣ эти подробности зашли въ болгарскій оригиналъ „Святославова Сборника“ — въ самомъ ли дѣлѣ отъ Половцевъ, или отъ иныхъ азіатскихъ народовъ Тюркскаго племени, это вопросъ, ожидающій подробнаго изученія.

Таковы главнѣйшіе элементы, которые требуютъ полнаго выдѣленія изъ книги г. Прохорова и изъ исторіи русскаго костюма. Только выдѣливъ все постороннее, можно будетъ положить прочныя основныя истинно-національному.

¹⁾ *Flandin, Voyage en Perse*, vol. I, planches 10, 12 bis, 27, 27 bis.